

Ночная мгла очерчивала профиль Лян Сычжэ. Казалось бы — обычная картина, но почему-то Цао Е показалось, что Лян Сычжэ выглядит хрупким и одиноким. словно тот юноша десять лет назад на крыше, неумело перебирающий струны потрепанной гитары. За эти десять лет Лян Сычжэ прошел путь от никому не известного подростка до заоблачных высот, став всеобщим любимцем, дерзким и своенравным молодым актёром. Но в этот момент он казался всё тем же.

Цао Е некоторое время наблюдал за ним, затем подошел и сел рядом. Он не мог понять, о чём думал Лян Сычжэ, но чувствовал, что сейчас он был таким же, как прежде: внешне отстраненным, но в глубине души нуждающимся в поддержке.

Было начало сентября, ранняя осень. В последнее время похолодало, а в горах, на высоте, ветер был особенно пронизывающим. Их руки соприкоснулись, и каждый почувствовал тепло другого. Некоторое время они оба молчали. На горе царил тишина, лишь ветер шелестел листьями, напоминая тихий шум дождя.

Лян Сычжэ молча курил, держа в руках тарелку из фольги, взятую из дома на колесах, изредка стряхивая пепел. Больше он не совершал никаких движений. Тарелка была небольшой, и Цао Е не знал, как долго Лян Сычжэ уже здесь, но её дно было покрыто слоем пепла. Лян Сычжэ всегда был таким: обычно он не курил, но если уж начинал, то курил одну сигарету за другой, пока не кончатся все. Через некоторое время Цао Е нарушил молчание:

— Ты же говорил, что не носишь с собой сигареты?

— Угу, — ответил Лян Сычжэ. — Взял пачку из дома на колесах.

— Привык к ним?

— Когда ломка, не до выбора.

— Почему ты не куришь в палатке? Снаружи довольно холодно.

— Вышел проветриться. Обычно мне приходится постоянно оглядываться, чтобы папарацци не подловили. А здесь хорошо, тихо.

Докурив сигарету, Лян Сычжэ потушил окурок о фольгу, достал из пачки новую сигарету и зажал её в зубах. Он щёлкнул зажигалкой, поднес огонь к сигарете, но Цао Е перехватил его руку и вытащил сигарету у него изо рта. Лян Сычжэ отпустил кнопку зажигалки и посмотрел на него. Цао Е забрал у него и пачку:

— Хватит курить. Выкуришь разом всё, что бросил. Это разве называется бросить?

— Я бросил гораздо больше, — Лян Сычжэ посмотрел на него. В темноте его взгляд казался мерцающим. Через мгновение он отвёл взгляд. — Но раз ты так говоришь, ладно, не буду.

Спустя некоторое время Лян Сычжэ спросил:

— Та видеокассета, которую ты снимал в Иньсы, еще сохранилась? — этот вопрос давно вертелся у него на языке. Первые несколько лет он не спрашивал, потому что они редко виделись, и их встречи были короткими, он просто не успевал задать вопрос. Потом же он не решался, боясь, что Цао Е не захочет вспоминать то время, когда они были так близки.

Но сегодня Цао Е сам сказал, что хотел бы вернуться в прошлое. Это несколько удивило Лян Сычжэ, хотя, если подумать, все было логично: Цао Е, казалось, запер все свои чувства в прошлом, до того случая с Цао Сююанем и Чжэн Инем.

— Не помню, — Цао Е опустил глаза, вращая в пальцах сигарету, отобранную у Лян Сычжэ. — Наверное, она дома за границей.

— Понятно, — ответил Лян Сычжэ и больше ничего не спросил.

Цао Е не понимал, зачем солгал. Он точно знал, где та кассета. После отъезда из Иньсы он изучил видеомонтаж и превратил те разрозненные фрагменты в документальный фильм. Это была его первая работа, и в ней был только один герой — Лян Сычжэ. Он пересматривал эти видео снова и снова, добавлял субтитры, подбирал музыку. Он хотел подарить её Лян Сычжэ на девятнадцатый день рождения, но тем летом, вернувшись домой, увидел Цао Сююаня с Чжэн Инем.

После этого он забросил кассету и больше никогда её не смотрел. Почему-то ему стало страшно к ней прикоснуться. Иногда он вспоминал Иньсы. Однажды, после того как Лян Сычжэ получил свою первую награду, Цао Е, вернувшись в свой американский дом, решил пересмотреть кассету. Но не успело появиться изображение, как раздался звук: «Скучал по мне? А я по тебе очень скучал, Сычжэ-гэ». Он тут же схватил мышь и закрыл видео. В то время, монтируя видео, он думал, как обрадуется Лян Сычжэ, когда они увидятся после года разлуки. Он специально поставил эту фразу в самое начало. Но когда он снова открыл видео, его чувства изменились. Он словно боялся самого себя прежнего и с тех пор больше не пытался пересматривать ту кассету. Цао Е сменил тему:

— Почему ты выключил телефон?

— СМИ замучили вопросами о сплетнях. Надоело, вот и выключил.

— Ты устал, наверное? — Цао Е подцепил ветку и что-то чертил ею по земле.

— Что?

— Наверное, все эти годы тебе было тяжело? — уточнил Цао Е.

— Почему ты спрашиваешь? — Лян Сычжэ взглянул на него.

— Я давно хотел спросить тебя об этом, — он вертел в руках ветку, бесцельно водя ею по земле.
— Тогда, когда я уезжал из Иньсы, я не посоветовался с тобой. Потом думал, что, наверное, стоило дать тебе выбирать самому. Ведь быть актёром — это жертвовать свободой и личной жизнью, не самый лёгкий путь... Почему ты так на меня смотришь?

Лян Сычжэ улыбнулся, отвел взгляд и тихо вздохнул:

— Цао Е, ты такой...

Все вокруг завидовали ему, восхищались им, и только этот человек, который когда-то уступил ему дорогу, спрашивает, не устал ли он. Этот человек... был таким наивным, до невозможности милым и одновременно жестоким. Он доводил его до полного бессилия.

— Пойдём прогуляемся, — Лян Сычжэ поднялся, опираясь на землю. — Ты часто сюда приезжаешь гонять?

— Не то, чтобы часто, иногда, — Цао Е тоже встал, и они пошли по той дороге, по которой приехали.

— В следующий раз позови меня, — сказал Лян Сычжэ, остановившись в нескольких шагах от обрыва.

— Ты тоже хочешь погонять?

— Мне неинтересны гонки. Просто эта дорога кажется опасной. Я подумал, если уж умирать, то вместе, — усмехнулся Лян Сычжэ. — А то потом даже спросить некому будет, устал ли я. Жить будет совсем тоскливо.

Цао Е замер на мгновение, затем выдавил улыбку:

— Не говори так. Я же только что отлично проехал.

— Больше десяти лет назад, — Лян Сычжэ сделал паузу и продолжил спокойным тоном, — мои родители погибли в автокатастрофе. У отца был почти двадцатилетний стаж вождения, никто не ожидал, что такое случится. В момент аварии мама наклонилась ко мне и закрыла меня собой. Благодаря ей я отделался только переломом нескольких пальцев на левой руке. После этого я почти год не ходил в школу, не знал, что делать дальше, пока Цао-лаоши не пришёл к нам домой и не предложил поехать в Пекин, попробовать себя в профессии актёра... Так что, Цао Е, я в долгу перед Цао-лаоши. Без него я бы не попал в Иньсы. Когда с ним случилась беда, я не мог остаться в стороне.

Цао Е посмотрел на него. Ночной ветер слегка трепал его волосы, и он был похож на того юношу, который когда-то стоял на обветшалой улице Иньсы, разглядывая старые вывески.

— Я знаю, — Цао Е отвел взгляд. — У тебя были свои причины.

— Позже я где-то прочитал, что каждый человек подобен луне: у него всегда есть тёмная сторона, которую он никому не показывает. Мне кажется, Цао-лаоши как раз такой. Его личная жизнь была скрыта во тьме, но в кино он сиял... Иногда я сам себе противоречу. Знаешь, что он мне сказал в тот вечер, когда мы встретились?

— Не хочу знать.

— Он узнал, что я буду сниматься в фильме, который продюсируешь ты, и даже не стал меня уговаривать, а просто сказал, чтобы я хорошо играл.

— А что ещё он мог сказать? — резко ответил Цао Е. — Ты и так должен хорошо играть.

Лян Сычжэ усмехнулся. Видя, что Цао Е не хочет продолжать эту тему, он согласился:

— Да, я и так должен хорошо играть.

Они вернулись в палатку и забрались в свои спальные мешки. Хотя их палатка была большая, места в ней было не так много. Их спальные мешки лежали рядом. Лян Сычжэ думал, что Цао Е будет некомфортно так спать, но, улегшись, понял, что всё нормально. Лян Сычжэ не стал ложиться. Он взял сценарий и, сидя, делал в нем пометки.

— Ты еще не дочитал сценарий? — спросил Цао Е, лежа.

— Прочитал, но ещё не до конца разобрал, — ответил Лян Сычжэ, переворачивая страницу. — Нужно выучить текст, внимательно изучить роль мальчика. Ведь мне играть с ребенком, нужно уметь его направлять.

— Ты возвращаешься на съемочную площадку завтра?

— Ага.

— Я отвезу тебя в аэропорт.

— Хорошо, — Лян Сычжэ посмотрел на него. — Но сначала, возможно, нужно будет заехать к моему агенту.

— Если мы поедem к ней, можно я заберу сяо-сяо Бай к себе?

— Можно.

— Тогда... спокойной ночи, Лян Сычжэ, — сказал Цао Е тем же тоном, что и когда-то в «Лазурной вечеринке».

Лян Сычжэ замер, держа ручку над сценарием:

— Спокойной ночи.

Цао Е закрыл глаза. Он хотел поскорее заснуть, чтобы потом, когда Лян Сычжэ дочитает сценарий и ляжет, не мешать ему, ворочаясь. Но, возможно, из-за того, что днем они потратили много сил на подъеме в гору, сон быстро сморил его, и вскоре он уснул.

Слыша рядом ровное дыхание, Лян Сычжэ отложил сценарий. Это был всего лишь предлог. На самом деле он хотел, чтобы Цао Е чувствовал себя рядом с ним комфортно. Если бы Цао Е чувствовал себя скованно, то и ему самому было бы не по себе. Лучше уж было играть свою роль до конца. Лян Сычжэ посмотрел на Цао Е. Тот спал, повернувшись к нему спиной. Его выступающие лопатки образовывали под тонкой хлопковой футболкой два острых уголка. Он выглядел совсем как в Иньсы.

Десять лет назад, выключив свет и лёжа в постели, он часто смотрел на спящего напротив юношу при лунном свете. Он думал, что подобные дни уже сочтены, но не ожидал, что спустя десять лет у него снова появится такая возможность. Возможно, он слишком был жаден. Всего несколько месяцев назад, когда они не общались, он думал, что примирение было пределом его мечтаний. Но теперь, когда они помирились, он не мог удержаться от желания получить больше, обладать им полностью. Видимо, такова была человеческая природа — хотеть всё больше и больше. Но жадность губит... Ему приходилось играть и на сцене, и в жизни. Возможно, играя, он однажды, как и Цао Е, научится обманывать самого себя. Стоит ли ему ждать этого дня?

На следующее утро Лян Сычжэ проснулся первым. Каждый год в это время его настроение было на самом дне, и он плохо спал. Он сел и посмотрел на Цао Е. Тот, беспокойно раскинувшись, все еще спал. Верхняя половина его тела вылезла из спального мешка, ворот футболки съехал набок, открывая большую часть ключицы.

Лян Сычжэ наблюдал за ним какое-то время, потом встал, вышел умыться и, только успокоив реакцию своего тела, вернулся в палатку. Перевернувшись на спину, Цао Е продолжал спать, и одеяло на нём приподнялось весьма заметным бугорком. Вдалеке Линь Янь звал Цао Е. После нескольких возгласов: «Е-цзы!», Цао Е наконец открыл глаза, слегка нахмурился и хриплым голосом спросил:

— Где это я?..

Повернув голову, он увидел Лян Сычжэ, который сидел рядом и собирал волосы в хвост. Сонный взгляд Цао Е мгновенно прояснился, но голос еще оставался хриплым:

— Доброе утро. Почему ты так рано встал?

Лян Сычжэ, вынув изо рта черную резинку для волос, сделал себе хвост:

— Через несколько дней я возвращаюсь на съёмки, мне нужно наладить режим.

— А... — Цао Е поднес руку ко лбу. Он давно так крепко не спал и никак не мог прийти в себя.

— Кхм, — Лян Сычжэ нарочито кашлянул.

Цао Е непонимающе посмотрел на него, а затем, проследив за взглядом Лян Сычжэ, брошенным на его пах, тут же понял, в чем дело. Он вскочил, одернул одежду и, выбравшись из спального мешка, как ни в чем не бывало сказал:

— Я, пожалуй, пойду умоюсь.

— Иди, — спокойно ответил Лян Сычжэ. Как только Цао Е вышел, он не смог сдержать смех. Цао Е был таким милым. Он знал, что ему нужно было быть осторожнее со своими шутками, но не мог удержаться, чтобы не поддразнить Цао Е и понаблюдать за его реакцией. Впрочем, десять лет назад он тоже постоянно его поддразнивал. Нельзя сказать, что это было перебором.

Обратно они поехали на машине Лян Сычжэ. Он сам вызвался сесть за руль, и Цао Е не возражал. Линь Янь, не сумев лично задать свой вопрос, написал ему в WeChat: «Ну как прошла ночь?»

Цао Е проигнорировал его сообщение. Сидя на пассажирском сиденье, он листал новости в телефоне. Везде были статьи о Лян Сычжэ. Различные СМИ пытались выжать максимум из этой истории, и публика бурно обсуждала ее.

«От актрис до малолеток — Лян Сычжэ, видимо, переспал со всеми».

«Говорят, что история с моделью — ошибка. На самом деле это студентка актёрского факультета Пекинской киноакадемии. Но как же она в свои юные годы попала на съёмки с самим Лян Сычжэ? Неужели по его протекции?»

«Ходят слухи, что Лян Сычжэ ради новой пассии отказался от съёмок у Цао Сююаня. Похоже, это правда».

«То есть зрители платят за билеты, чтобы посмотреть на его любовные похождения? После Канн он совсем зазнался. Загубил свой талант. Почему Цао Сююань его не вразумит?»

«Цао Сююань будет его ругать? Вы шутите? Когда Лян Сычжэ в девятнадцать лет встречался с Ху Юйсы, Цао Сююань в интервью говорил, что актёрам нужно влюбляться. Наверняка сейчас он аплодирует Лян Сычжэ и подбадривает его».

«Эта парочка стоит друг друга. Когда у Цао Сююаня были проблемы из-за того грязного дела, разве не Лян Сычжэ его выгораживал? Они одного поля ягоды».

«Некоторые комментарии слишком грубые. Случай Цао Сююаня — секс с несовершеннолетним, возможно, даже сексуальное насилие. А у Лян Сычжэ отношения по обоюдному согласию. Зачем поливать его грязью?»

«Но разве не Лян Сычжэ был единственным актером, кто тогда публично поддержал Цао Сююаня? Так что это сравнение вполне уместно. Скажу прямо: и награду в Каннах он получил незаслуженно. Фанаты еще пытаются говорить о верности, благодарности... Не нужно злоупотреблять этими словами».

«А разве дело о домогательствах было закрыто? Полиция тогда заявила об отсутствии прямых доказательств. Прошло столько лет, а интернет-пользователи всё ещё вершат правосудие».

Ему не хотелось читать дальше, но он не мог остановиться. Цао Е прокручивал комментарии один за другим, словно истязая себя. Высказывание о том, что каждый человек подобен луне, имеющей тёмную сторону, было верным. Но вся тьма Цао Сююаня была обращена на него, годами он жил в отбрасываемой им тени. Цао Е уже не знал, как обойти эту тьму и увидеть, как сияет другая сторона Цао Сююаня. Внезапно зазвонил телефон. На экране высветилось имя «Сюй Юньчу».

— Звонит твой агент, — Цао Е повернулся к Лян Сычжэ. — Ответить?

— Да, — ответил Лян Сычжэ, не отрываясь от дороги. — Включи громкую связь.

Цао Е ответил на звонок, и голос Сюй Юньчу раздался в салоне:

— Господин Цао, вы с Сычжэ?

— Что случилось? — уклончиво спросил Цао Е. — Это насчет опровержения слухов?

— С этими слухами я уже много лет разбираюсь, не нужно его беспокоить. Дело в собаке, срочное дело. Пусть он возьмет трубку.

— Я слушаю, Юньчу, что случилось? — спросил Лян Сычжэ.

— Что с сяо-сяо Бай? — одновременно спросил Цао Е.

— Сегодня утром её начало рвать, а потом пошла пена изо рта. Сейчас она в больнице, врачи пока ничего не говорят, — тревожно сказала Сюй Юньчу. — Сычжэ, может, тебе приехать?

— Пришли адрес, — лицо Лян Сычжэ изменилось, он нахмурился. — Я сейчас буду.

Автору есть, что сказать: Здесь нет деления на актива и пассива, они оба равноправны. Сычжэ в роли актива — это отношения, где он старше, а сяо Цао в роли актива — это отношения, где он младше. Разве не мило, друзья?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130293>